

В. ВЕРЕСАЕВ

Гоголь

в жизни

Систематический

свод подлинных свидетельств

современников

(Продолжение)

X

Заграничные скитания

Пишу вам на дороге в Гастейн, куда велят мне ехать купаться... Я ничего вам не скажу, что происходит внутри меня,-- и о чем говорить? Скажу только, что с каждым днем и часом становится светлей и торжественней в душе моей, что не без цели и значенья были мои поездки, удаления и отлученья от мира, что совершалось незримо в них воспитанье души моей, что я стал далеко лучше того, каким запечатлелся в священной для меня памяти друзей моих, что чаще и торжественней льются душевные мои слезы и что живет в душе моей глубокая, неотразимая вера, что небесная сила поможет взойти мне на ту лестницу, которая предстоит мне, хотя я стою еще на нижайших и первых ее ступенях. Много труда и пути, и душевного воспитания впереди еще. Чище горного снега и светлей небес должна быть душа моя, и только тогда я приду в силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрешится загадка моего существования... О житейских мелочах моих не говорю вам ничего: их почти нет, да, впрочем, слава богу, их даже и не чувствуешь, и не слышишь. Посылаю вам "Мертвые души". Это первая часть... Я переделал ее много с того времени, как читал вам первые главы, но все, однако же, не могу не видеть ее малозначительности, в сравнении с другими, имеющими последовать ей частями. Она, в отношении к ним, все мне кажется похожею на приделанное губернским архитектором наскоро крыльцо к дворцу, который задуман строиться в колоссальных размерах, а, без сомнения, в ней наберется немало таких погрешностей, которых я пока еще не вижу. Ради бога, сообщите мне ваши замечания. Будьте строги и неумолимы как можно больше. Вы знаете сами, как мне это нужно.

Гоголь -- В. А. Жуковскому, 26 июня 1842 г., из Берлина. Письма, II, 183.

Несмотря на лето, "Мертвые души" расходятся очень живо и в Москве и в Петербурге. Погодину отдано уже {341} 4500 рублей; в непродолжительном времени и другие получают свои деньги (забавно, что никто не хочет получить первый, а всякий желает быть последним).

С. Т. Аксаков -- Гоголю, 3 июля 1842 г. История знакомства, 71.

При корректуре второго тома прошу тебя действовать как можно самоуправней и полновластней: в "Тарасе Бульбе" много есть погрешностей писца. Он часто любит букву и; где она не у места, там ее выбрось; в двух-трех местах, я заметил плохую грамматику и почти отсутствие смысла. Пожалуйста, поправь везде с такою же свободою, как ты переправляешь тетради своих учеников. Если где частое повторение одного и того же оборота периодов, дай им другой, и никак не сомневайся и не задумывайся, будет ли хорошо,-- все будет хорошо.

Гоголь -- Н. Я. Прокоповичу, 27/15 июля 1842 г., из Гастейна. Письма, II, 197.

Я пробуду в Гастейне вместе с Языковым еще недели три, а в конце августа хотим ехать в Венецию, где пробудем недели две, если не больше.

Гоголь -- С. Т. Аксакову, 27/15 июля 1842 г., из Гастейна. Письма, II, 195.

В Гастейне у Языкова нашел я "Москвитянин" за прошлый год и перечел с жадностью все твои рецензии и критики,-- это доставило мне много наслаждений и родило весьма сильную просьбу, которую, может быть, ты уже предчувствуешь. Грех будет на душе твоей, если ты не напишешь разбора "Мертвых душ". Кроме тебя, вряд ли кто другой может правдиво и как следует оценить их ¹. Тут есть над чем потрудиться... Во имя нашей дружбы я прошу тебя быть как можно строже. Чем более отыщешь ты и выставишь моих недостатков и пороков, тем более будет твоя услуга. Нет, может быть, в целой России человека, так жадного узнать все свои пороки и недостатки.

Гоголь -- С. П. Шевыреву, 12 авг. 1842 г., из Гастейна. Письма, II, 200.